

Двадцать минут

Юрий Максимов

Тихо. Дело к шести. Сумрак в храме понемногу сгущается. Синие огоньки лампадок, кажется, проступают ярче перед высокими, темными иконами. Из приоткрытых с улицы дверей тянет прохладой и запахом сирени.

Влад потянулся к выключателю. Вспыхнув, желтый круг выхватил стопки рыхих свечей, иконки и крестики на противоположной стороне стола. Почесав подбородок с проступающим пушком, он достал из кармана книгу и углубился в чтение.

«Начало колонизации Ио было положено в 2117 году совместной экспедицией...» Влад зевнул и выдвинул ящик стола. У Вити где-то здесь мятные ледяшки обретались. Так, листки для записок, коробка с мелочью, карандаши, поминальная тетрадь... а ледяшек нету, облом! Надо было спросить, когда сменял. Теперь Витя уж небось на полпути к дому. Ладно, всего полчаса осталось до закрытия. А потом — в сторожку, чай пить с пряниками. И снова читать эту нудятину про спутники Юпитера. Послезавтра зачет по «освоению».

Хорошо хоть, народу нет. Вообще, вечером, когда не служат, людей заходит мало. Так и сегодня. Только один пилот заглянул, из Космопорта, трехкредитку на канун поставил; да еще две тетki, проездом с Марса, — вон их свечки мерцают в золотистых подсвечниках перед Спасителем и Богородицей.

Влад уж было вернулся к конспекту, как дверь приоткрылась, и в храм протиснулся заросший серой шерстью гигант в бежевом халате. Цистерцианин. Сторож Влад невольно нахмурился. Гость, не глянув на него, неторопливо, чуть покачиваясь, прошел к центру храма и встал аккуратно под куполом. И смотрит неотрывно на лики святых в иконостасе. «Будто молится», — усмехнулся про себя Влад, но тут же отогнал эту мысль. Скорее турист. Зашел поглазеть. Хотя такие обычно днем приходят. С ними Витя хорошо толкует. Глядит мечтательными голубыми глазами, бородищу свою рыжую тербит, то слушает, то говорит... Шутили, что одна пара ригелиан каждый год специально сюда прилетает, чтобы с ним поболтать. Да, Витя — мужик разговорчивый. А вот Влада такие вещи напрягают. Надо ж было припереться этой мохнатой зверюге за полчаса до закрытия!

«Впрочем, для туриста одет он странновато», — подумал Влад, разглядывая пришельца со спины. Цистерциан не часто встретишь даже здесь, в Космопорте, но несколько раз он их все же видел. Всегда на них роскошная одежда из тонкой ткани, и всегда они подчеркнута опрятны. А этот весь помятый, испачканный, шерсть какая-то всклокоченная. «Только цистерцианских бомжей нам здесь не хватало. От своих отбою нет».

Двухметровый гость неторопливо развернулся и пошел к выходу. Влад демонстративно уткнулся в книгу, но внутри уже зрело досадное предчувствие, что нет, не уйдет он так сразу — полезет еще разговаривать.

Так и случилось. Цистерцианин подобрался поближе и встал по ту сторону стола. Кажется, с минуту он стоял молча, а Влад упрямо продолжал делать вид, что читает. В конце концов, он сторож, а не продавец. Не ему лезть первым с разговорами.

Наконец возник сухой, явно непривыкший к человеческой речи голос:

— Извиняюсь.

Тут уж делать нечего, пришлось поднять голову. С невольной неприязнью Влад глянул в заросшее лицо пришельца. Черные глаза-пуговицы блестили совершенно бесстрастно, как у плюшевых игрушек.

— Щенник, — донеслось из-под серых усов.

— Чего? — сощурился Влад.

— Щенник, — повторил цистерцианин и добавил: — Ся.

— Священник? — внезапно догадался Влад.

— Ся щенник, — кивнул гость.

— Священника нет. Домой уехал. Завтра утром приходите на службу. Тогда будет священник.

— Утром поздно. — Цистерцианин шевельнул ушами. — Утром сутки кончатся.

Владу стало совсем мутно от этой галиматши. Потому и буркнул:

— Тогда послезавтра. А еще лучше в воскресенье. В это или еще когда-нибудь. В общем, потом.

— Потом сложно, — сообщил пришелец. — Потом меня не будет.

«Понятное дело — рейс», — подумал Влад, но ничего не сказал. И еще подумал: «Чего бы тебе, милый, не пойти в свое капище... или как оно там у вас называется?»

Цистерцианин тем временем тоже что-то соображал.

— А других церковь здесь есть? — спросил он вдруг.

— Есть. — На секунду возникло желание отправить его в Скорбященку, чтобы отделаться поскорей, но Влад справился с искушением: жалко все-таки. — Там сейчас тоже службы нет. Не положена сегодня служба. Нет священников.

Мохнатый гость снова замолчал. Черные, без зрачков, глаза невыразительно блестили.

— Можно я посижу здесь?

Влад нахмурился и кинул взгляд на часы.

— Через двадцать минут церковь закроется. Двадцать минут можете посидеть.

— Спасибо.

Цистерцианин повернулся и все той же качающейся походкой прошел к левому окну. Там присел на лавку у кануна, молча созерцая, как перед распятием, на квадратном столике для заупокойных свечек, потрескивает трехкредитка пилота.

Влад попытался было вернуться к «началу колонизации Ио», но куда там! То и дело приходилось поглядывать на застывшую перед окном фигуру: а ну как сопрет чего?.. Минут через пять цистерцианин поднялся и вновь приблизился к столу:

— А ты не можешь... поговорить?

— В смысле?

— Как ся щенник, — объяснил пришелец и ткнул себя в грудь пальцем. — Дела плохие. Надо говорить. Чтоб не было.

— А, исповедь! — догадался Влад. — Нет, не могу. Это только священник. А я здесь просто сторож.

— А ся щенник завтра?

— Да, завтра утром.

— Поздно, — констатировал тот.

«Надо же, про исповедь знает!» — вдруг дошло до Влада. Впрочем, он не сильно удивился: многие инопланетяне почитают кое-какие церковные обряды. Например, ригелиане постоянно пытаются окрестить своих детей, хотя на то у них, видимо, какие-то свои причины — ведь их жизнь и мораль от христианства весьма далеки... А уж что творится на Богоявление! Тут и гаотрейды, и ялмезяне, и имкейцы приползают — в общем, всякой твари по паре. И все толкаются в километровых очередях за крещенской водой, а при самом разливе чуть не до драк дело доходит, так им всем отчего-то вода святая нужна. Хотя собственно верующих-то среди них — единицы.

— А чего ты, э... — Влад покрутил в воздухе пальцами, — к своим священникам не пойдешь? Ну, к цистерцианским?

— У нас нет. Жрецы у цистерциан. А я не такой. Я у вас здесь... — гость задвигал бровями, силясь подобрать слова, — в воде меня... ся щенник.

— Так ты крещеный? — удивился Влад. Ригелиане-то — известное дело, а вот про цистерциан он еще такого не слышал.

— Крещеный, — повторил гость. — Отец меня. У вас. Другая церковь. Катон. Много зим назад. Солнце было яркое. Маленькие огоньки. Окна с лицами. Вода. Вибрация звука приятная. Ся щенник говорил со мной. — Он умолк, но потом добавил: — Хороший был день.

— Понятно. — Влад покосился на часы. До шести осталось двенадцать минут. — А может, когда будешь на Катоне, там и исповедуешься?

— Не успею. Утром сутки кончаются.

— А потом куда?

Цистерцианин наклонил голову:

— Хорошо бы... к Богу.

— Чего? — оторопел Влад.

— Завтра угасну я, старики так решили, — стал объяснять пришелец. — Виноват я. Плохое дело сделал. Сутки мне дали. Спасибо. Это ради отца. Потому что хороший он у меня был.

Влад захлопнул книгу:

— Погоди-ка, тебя что, завтра... убьют?

— Убьют.

Сторож оторопел:

— Серьезно?

— Сутки дали, — повторил цистерцианин. — Спасибо, не всем дают. Жену вот устроил. Дочку. Завещание. Долги отдал. А сюда пришел поздно. Ся щенник нет. Я не знал, что нет. Надо было утром прийти. Не знал. — И он опять шевельнул ушами.

— Так что ж ты здесь? — Влад все никак не мог поверить. — Тебе в полицию надо. Беги скорей, скажи, что тебя убить хотят!

— Старики у нас — как полиция.

— Да ты сюда, в земную!

— Нельзя так.

Влад уже и сам догадался, что нельзя. Цистерциане официально запрасят, и его в конце концов выдадут.

— Слушай, да ты же в Космопорте. Садись сейчас на любой звездолет и дуй куда подальше!

— Нельзя так. Найдут.

— Можно улететь туда, где не найдут.

— Можно, — кивнул цистерцианин, — но так нехорошо. Жену мою тогда. И дочку. Угаснут. Вместо меня. Разве лучше? Нехорошо так. Люблю я их. Я сам должен. — И после паузы: — К тому же искать когда. Сюда придут. Тебя спрашивать будут. Разве хорошо?

Влад представил себя на допросе цистерциан и невольно поежился.

— А может, еще обойдется, а? — предположил он. — По-

говори со стариками своими. Скажи, мол, виноват, исправлюсь. Про дочку скажи. Может, простят они тебя?

Цистерцианин качнул головой:

— Такого у нас не бывает. Старики... не как Бог. Я виноват. Они не простят. Спасибо им, сутки дали. Другим нечасто дают.

— Да что ж ты натворил-то такого?

— Виноват. Сильно виноват. Угасли три цистерцианина. Моя вина... Хотел вот говорить ся щенник. Ся щенник скажет, простит меня Бог или нет.

— Ты что же... убил их?

— Нет. Не я. Руда. Камень падал. Внизу они. Я виноват. Из-за меня.

— Несчастный случай, что ли?

— Да.

— Так объясни им, что ты не хотел! Что это случайно все. Скажи, пусть по-другому накажут, но убивать-то зачем?

— Они знают. Разницы мало. Три из-за меня. Плохое дело. Я виноват.

Он замолчал. Влад тоже. Чего уж тут скажешь? Дичь какая-то! Витьке, что ли, позвонить, посоветоваться? Ан нет, тот еще в дороге, а у него тариф экономный — в космосе не берет.

«А может, розыгрыш это все? — вдруг подумалось. — Ведь бывало такое: придет какой-нибудь страдалец, уж такое наплетет, всю душу вывернет, а под конец отвесит: «Так у тебя, братишка, кредиток двести не найдется, а, на дорогу?»»

— Нет ся щенник, — снова забубнил пришелец. — Жаль. Утром надо было. Мы, цистерциане, такие. Главное всегда на потом оставляем. Так у нас принято. А потом иногда поздно бывает. Жаль. Пустая жизнь.

— Да погоди! Может, Господь еще управит все. Знаешь, так часто случается: люди по-одному решают, а Бог совсем по-другому. И не выходит у людей ничего. Бог, он ведь все может. Он сильнее любых стариков.

— Ты лучше знаешь, — просто ответил пришелец.

Снова замолчали. Влад напряженно соображал. По-хорошему-то, в первую очередь надо бы звонить отцу Глебу, да в отпуске настоятель, до четверга не вернется. А подменяющий его отец Кирилл контактов не оставил.

— Можно мне... маленький огонек зажечь? — спросил цистерцианин.

— Чего? — И когда пришелец ткнул лапой в направлении горки свечей, Влад только вздохнул: — А, это! Да бери, пожалуйста.

Мохнатый гость порывлся в помятом халате и вытащил кубик.

— Хватит столько?

— Бери-бери, все в порядке, — отмахнулся Влад.

Гость взял тоненькую двухкредитку и пошел к алтарю. На столе остался рифленый металлический кубик с переливающимися гранями. Влад настороженно покосился на диковинную оплату, но решил не трогать: мало ли что, может, он радиоактивный или еще чего.

Часы пикнули — без трех минут шесть. Пора готовить церковь к закрытию. Влад поднялся, сунул книжку в карман пиджака, щелкнул выключателем лампы. Двинулся вдоль левой стены, останавливаясь у каждой иконы и гася лампадки. Повернув возле аналая, задул две оплывшие свечки теток с Марса и бросил их в коробку у подсвечника.

Цистерцианин тем временем стоял столбом у кануна и глядел, как мерцает, чуть подрагивая, поставленная им свечка, а рядом — сократившаяся уже трехкредитка. Влад приблизился, погасил свечку пилота, а цистерцианскую трогать не стал. «Пусть себе горит. Завтра только надо будет не забыть огарок выковырять, чтобы Марфа не ворчала».

— Кончились двадцать минут, — то ли спросил, то ли констатировал пришелец.

— Кончились. Пора закрываться.

На секунду стало боязно: а ну как эта громадина не захочет уходить? Что тогда?

Но нет, цистерцианин послушно повернулся и вразвалочку зашагал к дверям. Влад перекрестился, кинув взгляд в сторону скрытого алой завесой алтаря.

Вышли вместе. Щелкнул замок. Молодой сторож на всякий случай подергал ручку, чтобы удостовериться, что все в порядке.

На улице было тепло. Душистый аромат сирени. Сотни снующих аэрокаров на фоне огненного предзакатного неба. Вдалеке высились башни мегаэтажек, а справа — тонкие шпили Космопорта. Цистерцианин стоял на ступенях, завороченно глядя на пышные кусты с белыми гроздьями цветов.

— Куда ты сейчас? — спросил Влад.

— Пойду. Богу говорить буду. Много надо сказать. Жена, дочка — одни остаются. Тяжело так. Надо ей новый муж. Новый отец. Пусть будет хороший.

— А это у вас обязательно? Ну, вдовам замуж выходить?

— Нет. Не обязательно. Но одной жене тяжело. И дочке. Люблю я их. Пусть новый будет муж. Так лучше. Лишь бы хороший.

Влад потупился. «Оставить его, что ли, в сторожке? Ведь некуда ему сейчас идти... Да нет, не выйдет: Олег Саныч, если узнает, так потом задаст, что допрос цистерциан сказкой покажется».

— Слушай, а во сколько у тебя, ну, сутки кончаются? Может, еще успеешь утром со священником встретиться? Он сюда в семь часов придет.

— У меня — в двадцать шесть конов. — Цистерцианин задвигал бровями, а потом развел лапами: — Не знаю, сколько это по-вашему. Постараюсь прийти. Может, успею.

ФАНТАСТИКА

Они еще немного постояли. Потом цистерцианин шагнул вниз. Обернулся.

— До свидания. — Его серые усы приветливо приподнялись. — Спасибо, брат, что говорил со мной.

Влад протянул руку. Чуть помедлив, пришелец подал мохнатую лапу.

— Ну, с Богом! — пробормотал сторож.

Цистерцианин кивнул и спустился по лестнице. Вышел за ворота и побрел, чуть покачиваясь, по дороге в город.

Влад немного постоял под сиренью, а затем свернул налево, в сторожку.

Включил свет в узкой комнатке. Подошел к столу, вытащил книжку из кармана. Как-никак, а зачет по «освоению» на носу. Подумав, набрал воды в пластмассовый чайник, щелкнул кнопкой. Достал с полки пакет пряников.

«Жалко, имя его забыл спросить. Чтоб хоть помолиться...» Вздохнул и опустился на стул.

Так сидел он долго, слушая, как шипит вода в чайнике, жевал пряник да глядел в окно, где в густеющих сумерках все четче и веселее светились далекие огни мегаэтажек.